

После возвращения от Цзянь Сюэхэ госпожа Цзянь больше не призывала к себе Минну. Целых два месяца он безвыездно проводил в своём дворике, со дня на день ожидая вестей от господина Линьцзяна.

Лишь в день отъезда в Академию Пути Меча они с Сюэхэ встретились вновь.

Обитаясь на заднем дворе, юноша так или иначе улавливал доносившиеся до него слухи. Говорили, будто Сюэхэ все эти два месяца почти не показывался на людях, а госпожа Цзянь неведомым образом сумела полностью исцелить его от врождённой хвори.

Наступил первый месяц весны. Тепло постепенно возвращалось в мир, и в саду распускались ветви тысячи золотых, чья сочная зелень отливала глубокой, почти лазурной синевой.

Перед самой дорогой няня принялась в последний раз собирать Минну, заботливо проверяя каждую мелочь.

— Минну, на этот раз ты уезжаешь надолго, бог знает, когда вернёшься. Береги себя, дитяtko, не забывай о здоровье.

— Если что-то случится, сразу иди к молодому господину Хэ. Вы ведь одной крови, на чужбине должны держаться друг за друга...

С этой доброй женщиной Минну расставался тяжелее всего. Все дорожные узлы она собрала своими руками, бережно уложив каждую вещь. Не выдержав, юноша сделал шаг вперёд и крепко обнял её.

— Я знаю, нянюшка. Ты тоже себя береги, не болей, — прошептал он. — Если вдруг что стрясётся, сразу зови Ванчуня.

Немного понизив голос, Минну добавил:

— У меня в комнате припрятано немного серебра. Всё, что удалось скопить за это время. Под кроватью, во втором ящике ларя. Возьми себе.

В дверях показался Ванчунь и негромко поторопил:

— Второй молодой господин, пора ехать.

— Глупое ты дитя, разве станет няня брать твои крохи? — Женщина мягко улыбнулась, и морщинки у её глаз разгладились. Но тут же, вспомнив ходившие по поместью толки, она встревоженно нахмурилась: — Я слышала, в этой Академии соберутся отпрыски знатнейших родов со всех Девяти провинций. Минну, милый, будь тише воды, ниже травы, ни в коем случае

не перечь им.

— Понимаю...

Попрощавшись, Минну сел в экипаж. Ванчунь помог ему устроиться и передал оружие, приготовленное заранее.

Это был простой железный меч — куда короче обычных клинков, но для юноши он пришёлся как раз впору: лёгкий, ухватистый, необременительный в дороге. На устье ножен Ванчунь искусно вырезал изящный полумесяц, чей плавный изгиб казался естественным продолжением узора.

В обычные школы совершенствования детей из простых семей забирали совсем юными, тогда как отпрыски великих кланов Девяти провинций не спешили покидать родные гнёзда. Академия Пути Меча принимала под своё крыло лишь золотую молодёжь — наследников царских династий и знатнейших родов. Обладая лучшим оружием, редчайшими снадобьями и наставлениями личных учителей, эти избранные были избавлены от необходимости проходить общий отбор. Они просто дожидались момента, когда великие ордена открывали свои врата, и сразу занимали места среди элиты.

В прошлой жизни Цзянь Сюэхэ, едва переступив порог Академии, мгновенно затмил всех сверстников. Его путь на вершину казался до неприличия лёгким: сначала — триумф в Академии, затем — место в ордене Фуфэн, первейшем среди четырёх великих школ, а после — ученичество у самого владыки Уцзиня, единственного мастера, сумевшего вознестись в Девятое небесное царство.

Сам же Минну в детстве даже не притрагивался к духовным практикам. Его духовные каналы пробудились слишком поздно, а хрупкое здоровье, подорванное постоянными болезнями, окончательно лишило его надежды на самосовершенствование. Путь бессмертия был для него закрыт.

В прошлый раз он всё же попал в Фуфэн, но лишь бесправным слугой Сюэхэ. Вся его жизнь свелась к угождению и бесконечному принятию на себя чужих ран. Бесконечный круг унижений и боли завершился мучительной, бесславной гибелью.

И даже умирая, он не принадлежал себе — саму смерть за него выбрали другие.

— Молодой господин Минну, мы прибыли. Дальше путь лежит по воде, — раздался снаружи негромкий голос Хуайли.

Страхнув нахлынувшие воспоминания, юноша отодвинул плотную занавеску на окне. Чтобы добраться из Цзянчжоу в Сянчжоу, им предстояло пересечь реку на корабле. Очевидно, сегодня пришёлся какой-то праздник: ветви прибрежных деревьев ломились от множества развешанных бумажных фонариков, тихо покачивающихся над водой.

Минну припомнил обрывки разговоров с Ванчунем — первые дни весны в этих краях праздновали с особым размахом, объединяя их с гуляниями в честь Праздника фонарей. На пристани царило невообразимое оживление.

Вдруг перед глазами мелькнула яркая алая вспышка. Из соседнего экипажа неторопливо вышел Цзянь Сюэхэ. Его безупречное лицо хранило печать ледяного равнодушия. Уголки его миндалевидных глаз дрогнули, и холодный взгляд скользнул по фигуре Минну.

В это дальнейшее путешествие их сопровождал один-единственный слуга — Хуайли.

— Молодой господин Минну, позвольте мне взять ваш узел, — вежливо предложил он.

Минну нёс с собой лишь самое необходимое. Помедлив секунду, он покачал головой:

— Не стоит, я сам.

Пока они переговаривались, Сюэхэ уже отвернулся. Минну видел лишь его точёный профиль и покоящийся за спиной легендарный Снежный меч в белоснежных ножнах.

Вокруг теснились толпы людей. Тяжёлые речные волны с шумом разбивались о гранитную пристань. Вода то и дело подхватывала запущенные в поток праздничные фонарики, прибывала их обратно к берегу, и промокший фитиль угасал, погружая бумажные лодочки во тьму.

Весенние гулянья издревле были тесно связаны с культом предков и миром духов, поэтому уличные торговцы наперебой предлагали прохожим самые причудливые личины. Здесь были скалящиеся синие бесы, кокетливо прищурившиеся пленительные призраки и мертвенно-бледные хари черно-белых Учанов.

Мимо с весёлым гоготом то и дело пробегали компании молодых людей. Их раскрашенные маски то отчётливо проступали в толпе, то мгновенно размывались в пёстром людском водовороте.

— Молодой господин, нам пора на борт, — негромко позвал Хуайли.

Отведя взгляд от уличной суеты, Минну поспешил за слугой. Сюэхэ следовал за ними тенью. Один за другим они поднялись на палубу большого пассажирского судна.

Цзянчжоу славился своим речным сообщением. По широкой глади воды скользили десятки нарядных джонок и прогулочных барж, украшенных разноцветными фонарями. На палубе соседнего судна плавно изгибались в танце наложницы, а над речной кручей разносился звонкий рокот лютни-пины, вплетающийся в вечный гул бегущей воды.

Путь до Сянчжоу занимал не менее четырёх часов. Хуайли подошёл к Минну и негромко произнёс:

— Молодой господин, корабль переполнен, и нам удалось выкупить лишь одну свободную каюту. Если вы утомились в дороге, можете отдохнуть внутри.

Каюты на подобных судах были крошечными, едва ли просторнее кареты. Заглянув внутрь, Минну заметил, что Сюэхэ уже занял место у окна, бесстрастно глядя на проплывающие мимо берега.

— Не нужно, я побуду здесь, на палубе. Заодно музыку послушаю, — тихо отказался юноша.

Хуайли не стал настаивать. Минну облокотился на деревянные перила, подставив лицо прохладному речному ветру. С его места отлично просматривалась сцена на корме соседней джонки, где под переливчатые стоны пипы кружилась в танце изящная девушка.

Случайно опустив взгляд на толпящихся внизу пассажиров, Минну приметил у борта группу подростков в праздничных масках. Вдруг один из них, словно почуяв чужой взор, медленно повернул голову.

Прямо на Минну уставилась уродливая маска младенца-призрака.

Звуки пипы в то же мгновение оборвались. Мир вокруг погрузился в мёртвую тишину, в которой отчётливо зазвучал тонкий, захлёбывающийся плач младенца.

Сквозь прорези маски на Минну смотрели бездонные угольные глаза — без белков, полные хтонического ужаса. Они казались единым целым со страшной личиной, глядящей на него взглядом умирающего дитя.

По спине Минну пробежал ледяной озноб. Жуткий образ намертво впечатался в память, но в следующую секунду незнакомец безразлично отвернулся. Наваждение рассеялось: вновь зазвенели струны пипы, а толпа внизу разразилась восторженными криками и аплодисментами:

— Прекрасно! Чудесно!

Очередной вал с грохотом разбился о борт, обдав палубу брызгами. Подростки у борта по-прежнему о чём-то весело переговаривались, и недавний морок показался Минну простой игрой уставшего разума.

И всё же пальцы его окоченели. Опустив взгляд, он заметил, что его ладони покрыты холодной испариной, а деревянный поручень под рукой стал скользким и мокрым от речной воды.

Вдруг тишину пререзал истошный крик.

— Помогите! А-а-а! — Визгливый женский вопль испуганной птицей пронёсся над палубой. Мелодия пипы оборвалась на дребезжащей, фальшивой ноте. Поддавшись общему порыву, Минну бросился в гущу толпы, хлынувшей к носу корабля.

Прямо на доски палубы очередная волна выбросила страшный груз — раздувшийся женский труп. В орденах бессмертных подобное состояние утопленников именовали «ликом исполина». Тело несчастной, пробывшее в воде много дней, чудовищно раздулось и деформировалось. Посиневшее лицо с заплывшими глазами и вываленным языком потеряло всякие человеческие черты, а непомерно вздутый живот напоминал тугой кожаный мяч. Сквозь полуразложившуюся плоть, сочащуюся сукровицей, копошились личинки, а внутри просвечивал жуткий багровый ком.

Этот бесформенный кусок багрового мяса, опутанный тонкими нитями кровеносных сосудов, пульсировал прямо внутри мёртвого лона. На уродливом наросте не было лица, лишь пара угольно-чёрных глаз без белков, дикорастущих прямо из гнилой плоти.

Тяжёлый, удушливый запах тлена мгновенно заполонил палубу. Стоявшие рядом пассажиры в ужасе отшатнулись, многих тут же вывернуло наизнанку.

— Что это за тварь?! Откуда она взялась, ведь только что ничего не было!

— Поговаривают, в этих водах завелись речные гули... Но ордена бессмертных ещё не известили.

— Погодите-ка... А ведь лицо покойницы мне кого-то напоминает...

Минну судорожно зажал нос рукавом, чувствуя, как к горлу подступает тошнота, а лицо бледнеет. В этот момент один из зевак шумно хлопнул себя по лбу:

— Вспомнил! Да это же Жун-эр, танцовщица с соседней джонки! Она ведь совсем недавно ушла с корабля, потому что сговорилась о замужестве... Как же её угораздило оказаться здесь, да ещё в таком виде?!

На палубе поспешно появились охранники. Крупные торговые суда часто нанимали для охраны странствующих заклинателей или воинов из местных кланов. Вновь прибывшие были облачены в одинаковые лазоревые мантии, однако вышитые на них эмблемы показались Минну совершенно незнакомыми.

Глядя на изуродованное тело, лежащее всего в паре шагов, юноша ощутил, как ледяной пот катится по спине. Такова была суровая правда Девяти провинций: без духовных сил и высокого совершенствования человек перед лицом нечисти оставался лишь беззащитной пылинкой, чья

жизнь не стоила и ломаного гроша.

Минну невольно покосился на окна их каюты. Сквозь щель в приоткрытых створках слабо виднелся край алого одеяния Сюэхэ. Тот наверняка знал о случившемся на палубе, но предпочёл не вмешиваться.

Юноша крепче сжал рукоять своего миниатюрного меча. Опустив взгляд, он решил, что соваться в это пекло не стоит, и поспешил убратся подальше от страшного зрелища.

Развернувшись, он краем глаза уловил какое-то движение. Тот самый подросток в маске младенца-призрака стоял чуть поодаль, растворяясь в перепуганной толпе. Их взгляды снова пересеклись. Под тёмными глазницами маски промелькнуло нечто злое, после чего незнакомец бесшумно растаял среди пассажиров.

Сердце Минну сжалось от дурного предчувствия. Внезапно все звуки вокруг — крики, суета, плеск воды — стихли, словно отрезанные плотной стеной. Вокруг щиколоток сомкнулось нечто невыносимо холодное и склизкое, словно чьи-то мокрые пальцы. До двери каюты оставалось всего ничего, но сколько бы Минну ни переставлял ноги, он словно топтался на одном месте.

Холод расползлся по телу, а воздух вокруг сделался густым и липким от неведомой откуда взявшегося тумана. Смутная догадка заставила Минну коснуться собственного рукава — ткань оказалась насквозь мокрой.

Вся одежда на нём пропиталась ледяной водой и теперь тяжёлым панцирем сковывала движения. Дышать становилось всё труднее, в ушах набатом отдавался собственный хриплый, прерывистый вдох.

Охваченный первородным страхом перед близкой гибелью, юноша напрочь позабыл о застарелых обидах прошлой жизни. Инстинкт самосохранения заставил его выкрикнуть единственное имя:

— Цзянь Сюэхэ... Спаси меня!

Едва эти слова сорвались с его губ, Минну испугался, что голос прозвучал слишком тихо. Но в следующее мгновение воздух вокруг подёрнулся искрящейся изморозью. Свистящий поток белоснежной духовной энергии с лёгкостью перерезал невидимые путы. Липкий туман рассеялся, и в грудь юноши хлынул спасительный воздух.

На деревянные доски палубы с глухим стуком упала белоснежная маска младенца-призрака.

— Молодой господин Минну! Вы в порядке? — взволнованно воскликнул Хуайли, бросаясь к нему.

Распахнув глаза, Минну обнаружил, что вымок до нитки, будто его только что вытащили из речной глубины. Рядом возвышалась безупречная фигура в алых одеждах.

Сюэхэ стоял, заложив руку за спину, на его безучастном лице не отразилось ни единой эмоции. В тонких пальцах он держал ту самую маску, бережно поднятую с пола.

— Если бы молодой господин Хэ вовремя не заметил неладное, вы бы уже шагнули за борт, — добавил бледный от испуга слуга.

Минну и впрямь обнаружил себя стоящим у самых перил. Утопленницу к этому моменту уже унесли, и речная гладь казалась безмятежной, хотя в воздухе всё ещё витал тошнотворный дух разложения.

Голова страшно гудела. Пытаясь восстановить в памяти последние мгновения, юноша пробормотал:

— Но я... я ничего такого не делал. Я просто шёл обратно.

— Должно быть, нечисть выбрала вас своей целью. В этих краях сейчас беспокойно, — мягко заметил Хуайли. — Молодой господин, вам лучше держаться поближе к господину Хэ. Так будет гораздо безопаснее.

Минну промолчал. В груди его kloкотала глухая досада на собственную беспомощность. Одежда липла к телу холодным саваном, и ему отчаянно требовалось переодеться.

Однако его дорожный узел тоже промок насквозь. Заметив замешательство юноши, Хуайли быстро нашёл решение:

— Ростом вы почти не уступаете господину Хэ, его одеяния придутся вам впору. Пойдёмте, я всё подготовлю.

Слуга выудил из сундука сменные одежды Сюэхэ и проводил Минну в каюту. Стоило юноше переступить порог, как краем глаза он уловил движение алой ткани — Сюэхэ вошёл следом за ним.